

А.В. Бабанов

НИЦШЕ И ШЕСТОВ: ОТКАЗ ОТ ВОЛИ И АПОЛОГИЯ ВОЛИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению различия философских концепций Ницше и Шестова. Мысль Ницше и Шестова сопоставляется сквозь призму идей философии Ницше: воли к власти и нигилизма. Эти идеи зафиксированы в виде полярных понятий, т.е. имеющих два противоположных смысла. Так, пожалуй, главный тезис философии Шестова – о вере, отменяющей бывшее зло, – видится сопоставимым с негативным смыслом этих полярных понятий. В заключительной части статьи уже философия Ницше в целом осмысливается через идеи Шестова. Ключ к мысли обоих философов автор видит в понятии воли. Особое место в работе занимает анализ конфликта воли и прошлого, по-разному разрешаемого Ницше и Шестовым. Этика великодушия Ницше и этика дерзновения Шестова – так можно охарактеризовать два философских проекта по преодолению бессилия воли в отношении необходимого прошлого. Основной метод исследования: сравнительный анализ. Автор сравнивает философию Ницше и Шестова, задействуя интерпретации их идей В.В. Бибихиным, Х. Арендт, Ж. Делёзом. Новизна исследования заключается в оригинальном анализе различия двух способов мыслить, представленных в концепциях Ницше и Шестова. Различие между мышлением и волей, основанное на идеях Х. Арендт, коррелирует с противоположным пониманием субъекта у Ницше и Шестова. В философии Ницше воля выступает как нигилистическая по существу, т.е. отрицающая самодостаточность жизни, мира в целом. Ницше, преодолевая нигилизм воли и её бессилие изменить прошлое, отказывается от воли в пользу полноты созерцания-принятия тождества себя и мира. Философия Шестова, напротив, является апологией воли, в вере обретающей власть над необходимым для разума прошлым и миром в целом. Очевидный антагонизм, проявившийся в ходе сравнения двух философов, помогает лучше высветить мысль каждого.

Ключевые слова: воля, нигилизм, воля к власти, вера, разум, мораль, resentment, этика великодушия, этика дерзновения, субъект.

Review. The article is devoted to the detection of distinction of philosophical concepts of Nietzsche and Shestov. Nietzsche's and Shestov's philosophies are compared through the prism of ideas of philosophy of Nietzsche: will to power and nihilism. These ideas are fixed in the form of polar concepts, i.e. the concepts that present the two opposite points of view. So, the main thesis of Shestov's philosophy about the faith that cancels the evil previously committed seems comparable to the negative sense of these polar concepts. In the final part of the article Nietzsche's philosophy in general is comprehended through Shestov's ideas. The author sees the key to understanding the philosophy of both philosophers in their concept of will. Special attention is paid to the analysis of the conflict between will and the past which is differently resolved by Nietzsche and Shestov. Ethics of generosity of Nietzsche and ethics of boldness of Shestov – this is how the author offers to characterize the two philosophical projects on overcoming of the powerlessness of will in relation to the necessary past. The main method of research used by the author is the comparative analysis. The author compares Nietzsche's and Shestov's philosophy involving interpretations of their ideas by Vladimir Bibikhin, Hannah Arendt and Gilles Deleuze. The novelty of the research consists in the original analysis of distinction of the two ways of thinking as they are presented in Nietzsche's and Shestov's concepts. The distinction between reasoning and will based on Hannah Arendt's ideas correlates with the opposite understanding of the subject by Nietzsche and Shestov. In Nietzsche's philosophy the will acts as a nihilistic concept in essence, i.e. denying self-sufficiency of life and the world in general. Overcoming nihilism of will and its powerlessness to change the past Nietzsche refuses from will in favor of a complete contemplation/acceptance of identity of and the world. Shestov's philosophy, on the contrary, presents the apology of will that through faith finds the power over the past and the world in general. The obvious antagonism shown during comparison of the two philosophers helps to better highlight the thought of each philosopher.

Keywords: ethics of generosity, resentment, good morals, reason, faith, will to power, nihilism, will, ethics of boldness, subject.

Сравнительный анализ философских концепций Ницше и Шестова, представленный ниже, основывается на принятии тезиса о том, что ключом к мысли обоих философов является понятие воли. Соотнесение – т.е. видение философии Шестова через Ницше, а потом наоборот: Ницше через Шестова, – позволяет рассмотреть их концепции в свете взаимоотражения.

Критика морали Ницше и Шестовым – это не в последнюю очередь критика бессильной воли, которая для Шестова воплощается в «этике покорности» (разуму, судьбе, закону), общей, как он полагал, почти для всех философов. Согласно Ницше именно воля, в конечном счёте, порождает мораль resentment. Интересно, что, несмотря на схожий пафос критики Ницше и Шестова, она приводит к столь различным концепциям, что приходится говорить об их полном антагонизме.

Мораль и у Ницше и у Шестова как объект их критики понимается близким образом: это отчуждённая сила субъекта, умаляющая, обезличивающая человека. Но, если для Шестова смысл понятий «мораль» и «этическое» во многом коррелирует с античным пониманием добродетели как того, что во власти человека, и с представлением о моральном законе как модусе разумной необходимости, которому человек рабски подчиняется, то для Ницше мораль (опять же, как объект критики, как «мораль самоотречения») – это заблуждение большой жизни, которая мстит самой себе, а также противопоставленному себе, отчуждённому миру: «Эта единственная мораль, которой до сих пор учили, избобличает волю к концу, она отрицает жизнь в глубочайших основаниях ... *Определение морали*: мораль – это идиосинкразия декадентов, с задней мыслью отомстить жизни – и с успехом» [1, с. 122-123]. У представителей такой морали Ницше обнаруживает сложный комплекс почти не осознаваемых чувств, которые отравляют жизнь «добродетельного» человека.

Очевидно, что образы морали, которые критиковали Ницше и Шестов, не одинаковы. Можно говорить о сильном влиянии моральной философии Ницше на критическую мысль Шестова. Тем не менее, разоблачаемая Ницше «иудео-христианская» мораль, отрицающая жизнь во всех её «естественных проявлениях» с помощью задания сверхъестественного мира и таких понятий как «вина», «грех», «долг», «суд» и т.п., остается по существу *духом мысли* Шестова, и пусть нас не смутит то, что такая мораль, на первый взгляд, противоречит его

оригинальной концепции бунтующего, дерзновенного человека, бросающего вызов мировой необходимости и моральному закону.

Задаваемая критикой морали сверхморальная перспектива есть то общее, что роднит обоих философов. Сверхморальная перспектива, наряду с предельным пониманием морали как субъектности, могут считаться двумя главными признаками философской этики [2]. Сверхморальная перспектива в моральной философии Ницше и Шестова, так же как и понятие субъекта имеют различные содержания, которые в целом отрицают друг друга. Обозначим кратко, что они собой представляют, принимая во внимание, что сверхморальная перспектива в философии Ницше и Шестова это и есть постулирование субъектного отношения к миру.

В философии Ницше такой перспективой «по ту сторону» морали будет полнота субъекта, или сверхчеловек как высшая воля к власти. Философию Ницше, несмотря на всю её противоречивость, вслед за Х. Арндт, можно понять в целом не как апологию воли, а как *отказ от воли*. У Шестова сверхморальная перспектива – это вера. Одно из главных значений веры для Шестова это всемогущая воля. В обоих случаях, и у Ницше и у Шестова, речь идёт о воле. Выявим различие этих двух сверхморальных перспектив, воспользовавшись понятием воли к власти, которое понимается В.В. Библихиным как имеющее два противоположных смысла [3, с. 257]. Прочтение Ницше Библихиным видится продуктивным для сравнения Ницше и Шестова. Беря за основу его статью о Ницше, я исхожу из того, что не бывает правильной интерпретации чужой мысли, зато иногда случается её понимание «внутри» своей собственной.

В первом смысле, в оригинальном прочтении Библихина, воля к власти – это жизненная воля к распространению, поиску новых возможностей. Такая воля ищет как можно больше возможностей себя осуществить, утвердиться в мире. Как пишет Библихин, воля к власти «разбрасывает» свои возможности в мир, который поэтому всегда уже «раскрашен» для неё добром и злом, своим и чужим [3, с. 257]. Мир, который поделён на своё и чужое, требует переделки, улучшения, постоянной борьбы с чужим злом ради увеличения своего добра, своей мощи – ради новых возможностей. Такая воля к власти присуща всему: от простейших одноклеточных вплоть до человека и его сообществ. Это универсальный метафизический принцип. Она является по существу нигилистической, потому

что *отрицает* неделимое целое мира своим моральным толкованием, т.е. «раскраской» мира. Мир здесь, как и сама воля, всегда расколот. Субъект отчуждён от своего добра, которое ему постоянно нужно усваивать в борьбе с чужим злом.

Воля к власти во втором смысле есть возвращение к полноте своего мира. Так понятая воля к власти – это бытие субъекта, который сам есть мир, который нашел (узнал) себя в нем: «... тот род людей, который он конципирует (Заратустра), конципирует реальность, как она есть: он достаточно силен для этого, – он не отчуждён, не отделён от неё, он и есть сама реальность, он носит в себе всё, что есть в ней страшного и загадочного, только при этом условии в человеке может быть величие...» [1, с. 120].

Субъект, который узнаёт себя в мире и не отчуждён от него, является моральным субъектом, выражает полноту идеи морали. Биbihин, замечая, что не стоит доверять клише «имморалиста», придуманного себе Ницше, пишет: «Никакой речи об устранении морали у Ницше нет. Возвышенное, долг, любовь требуют у него всего своего размаха. И получают его, когда прекратится рассеяние нравственного усилия по рисованным образам. Все усилие должно быть собрано во внимании к видящему» [3, с. 270]. Чтобы нравственное усилие было направлено только на «видение», субъекту, т.е. самому видящему, придётся отказаться от воли (как любимого Шестовым «своеволия», как поиска новых возможностей), совершить своего рода «эпохе» проекций добра и зла в мир, перестать «изменять» мир мысленно или в действии.

Вернуться к себе, к своему, значит понять, что «мир в каждый отдельный миг готов и его конец достигнут» [3, с. 270]. Это значит оставить действительной только одну «полуденную» проекцию на мир – проекцию вечного возвращения «того же самого» (не проецировать, накладывать на мир свои собственные качества человек не может). В такой проекции мир теряет краски (он раскрашен нами в добро и зло, чужое и своё) и становится во взгляде нигилиста никаким – всегда одним и тем же.

И только тогда, выдерживая гнет бессмысленности (пустоты) очищенного от проекций добра и зла мира, для субъекта (видящего) открывается путь решающего утверждения, выводящий из нигилизма воли к власти в первом смысле: «Главный поступок становится доступен только человеку, вполне лишенному возможностей (власти) или, лучше, совершенно отрешившемуся от них. Для N (нигилиста), раздавленного до полной неподвижности вели-

чайшим гнетом в мире, где никаким усилием ничего изменить нельзя, открывается шанс принятия мира. Такое принятие может стать счастьем, если человек сумел быть безусловно добр к себе и к жизни. Перспектива вечного возвращения из гипотезы становится тут ежеминутной проверкой полноты бытия» [3, с. 271]. Такое доброжелательное принятие мира равно узнаванию его как собственной мощи.

Добро и зло – это отчуждённый субъект, его силы, части, разбросанные, спроецированные на мир. Видеть добро и зло в мире, мыслить так, значит быть слабым – несобраным в своем. Что важно: добро и зло, «моральный» взгляд на мир – это привязки-крючки к миру, которые, в отличие от отрешенного принятия, отчуждают какую-то часть мира (или даже весь «этот» мир) как злую, несовершенную, подлежащую исправлению или уничтожению. Привязанность к миру – это всё ещё «разбрасывание» взгляда, отчуждения своих сил. Чтобы воля успокоилась, а resentment был преодолен, необходимо великодушное принятие мира как всегда одинаково тождественного. Именно такое принятие сопровождается радостным блаженством, и в нем уже нет обвинения ни к кому и ни к чему. Ницше преодолевает обвинение, месть, изначальную расколотость воли.

Почему только проекция вечного возвращения является допустимой? Так как именно она дарует воле полноту, успокаивает ее. Эта проекция есть испытание зрения (субъекта), которое должно выдержать тождественность всего, «тяжесть» бессмысленности, иллюзорности явлений и вечной необходимости происходящего. Субъект, прошедший через нигилизм, обретает себя – такого же родного и неморального как природа [3, с. 268]. Вечное возвращение того же самого не стоит понимать как императив действия: как будто бы нужно перед каждым поступком мысленно проверять, а захотел бы я совершать его бесконечное количество раз. Это именно мысленная проекция, наложение «трафарета» вечности на все происходящее, на абсолютно любые поступки. Делать человек может (или не может) всё, что угодно, но каждое действие должно иметь полноту вечности, быть скреплено вечной «печатью».

Такой эксперимент Ницше с перестройкой видения мира является, говоря словами Ханны Арендт, переключением деятельности ума с воли на созерцание [4, с. 266, 273]. Последнее предполагает своим необходимым условием полноту, спокойствие воли, ничего уже не желающей, кроме того, что и так есть.

Бибихин полагает, что субъект понимается Ницше «в его сути, от глаза» [3, с. 264], т.е. как видящий мир и всегда проецирующий на него свои качества. Тем не менее, этот субъект-созерцатель активен, и его поступок состоит в том, что он *признаёт* себя и мир одним совершенным целым, *принимает* происходящее как свою вечность. Субъектное отношение к миру проявляется у Ницше наиболее полно именно в «мысли-проекции» вечного возвращения того же самого: «Кто продумал “самую глубокую мысль”, не нашел, несмотря на это, возражения против существования, даже против его вечного возвращения, – наоборот, нашёл ещё одно основание, чтобы *самому быть* вечным утверждением всех вещей, «говорить огромное безграничное Да и Аминь»... «Во все бездны несу я своё благословляющее утверждение»... Но это и есть ещё раз понятие Диониса» [1, с. 96]. Философии Ницше присуща интуиция тождества мира и человека: субъект, утверждая мир, утверждает своё бытие.

Задача Ницше: преодолеть нигилизм воли и вытекающую из воли мораль ressentiment, а для этого нужно «обожествить кажущийся мир как единственный». Держание высшей мысли, согласно Ницше, дарует становлению «характер бытия» и выводит субъекта из нигилизма расколотой воли, которая постоянно создает мир должного или истинно сущего. Для Ницше совершенство не может быть где-то в другом мире, в потустороннем или в будущем. Если смотреть на вещи трезво, т.е. только один мир – тот, в котором субъект узнаёт себя сейчас. Нужно учитывать, что Ницше боролся с любым способом оценивать мир, который отрицает его самодостаточность, как и самодостаточность человека. Его мысль-проекция о вечном возвращении того же самого *возвращает* миру самодостаточность, бесценность.

Как считает Арндт, понятие воли к власти у Ницше это «избыточный концепт» [4, с. 386]. Само воление уже есть акт могущества, оно в себе содержит свою мощь («я хочу» предполагает «я могу»). Чтобы волевать, хотеть чего-то свободно, человек отождествляет себя с повелевающей, активной стороной волящего субъекта (который раздваивается в акте воления на повелевающего и подчиняющегося). Поэтому любое «хочу» воли подразумевает «могу», в той мере, в какой я «ощущаю силу» самого акта повеления (принятия или отрицания чего-то). Мощь воли и заключается большей частью в чувстве силы, в избыточности воли. Подлинная цель воли всегда полнота, избыток, в кото-

ром воля самоустраняется. Избыток воли у Ницше соответствует избытку жизни.

То, что веру Шестова можно понимать именно как волю, а не только как новые «глаза» или второе измерение мышления, замечает И.И. Евлампиев: «Таким образом, единственная возможность непротиворечивого понимания интерпретаций историй Иова и Авраама в поздних работах Шестова (согласующаяся, кроме того, с идеями его ранних работ) заключается в полагании тождества Бога и человека. Человек, открывающий в себе царство Абсурда и выдерживающий испытание отчаянием и безнадежностью, сам оказывается силой, выбирающей из океана возможностей те, которые будут реализованы: *для Бога* все возможно, и это значит, что все возможно *для человека*, отбросившего искус знания ... Только в этом случае шестовская *вера* может быть понята как *воля*, как способность сделать абсурдную возможность действительностью; и тогда становится понятным, почему вера Иова помогла ему вернуть стада и сыновей, а вера Авраама спасла жизнь его сына» [5, с. 293].

Вера Шестова, с точки зрения принятого нами полярного смысла воли к власти, это квинтэссенция воли как наращивания собственных возможностей. Для верующего доступна бесконечность возможностей: воля к власти в вере доходит до своего предела, тоже до своего рода полноты. Правда, такая полнота – это не отказ от воли в радостном принятии всего. Это всё ещё нигилистическая воля, ведь она не утверждает мир, как он есть, не принимает его в целом, а рассматривает его как объект своих проектов.

Насколько вера Шестова это воля творить новый мир, преодолевающая любые законы разумной необходимости, показывает следующая цитата: «Или, чтоб было нагляднее, скажем так: в 399 году до Р.Х. приговоренный своими согражданами к смерти престарелый Сократ принял из рук тюремщика чашу с цикутой, и в этот же момент цикута, *по воле (курсив мой)* Сократа, превратилась в укрепляющий напиток. И это не выдумка, не фантазия – а действительность, «то, что было». Выдумка же и фантазия то, что рассказывается о смерти Сократа в учебниках истории» [6, с. 46].

Верующий человек Шестова тоже заключает в себе идею субъектного отношения к миру, но, очевидно, что субъект веры отличен от субъекта-созерцателя Ницше. Такой субъект творит свой мир в буквальном смысле слова: создает новый по своей воле. По сути, перед нами два разных способа существования одного субъекта-ума: воля и мышление.

Вера-воля Шестова, если рассматривать её с точки зрения предложенного выше прочтения философии Ницше, это всё ещё моральная воля, заражённая духом мести, который является одним из существенных признаков «морали ресентимента». Сложный комплекс чувств ресентимент есть не просто существо «морального толкования мира», но и смысл самой воли: «все учение о воле, эта самая роковая фальсификация во всей предшествующей психологии, по большей своей части было изобретено с целью мести» [7, с. 414]. Можно посмотреть на идею веры как на реванш, месть неподвластному миру, в частности, тем событиям, которым Шестов отказывает в существовании. Самой идеей всемогущей веры Шестов не принимает необходимость прошлого, уничтожая его как зло. История (и биография) как знание об неотменимых фактах прошлого и идея детерминированности ими отвергаются Шестовым. Но мысль Шестова не преодолевает историчность, ведь чтобы уничтожить прошлое зло, нужно о нём помнить, помнить о его месте в истории, т.е. всё ещё мыслить «исторически».

В понимание воли к власти как возможности (на пределе – как «всевозможности») входит дух мести бытию в его неустранимой единственности. Такая нигилистическая воля связана со злопамятностью и бессилием «волить назад», изменять своё прошлое. Вера Шестова, казалось бы, преодолевает бессилие воли по отношению к прошлому, снимая тем самым проблему ресентимента. Но разве не злопамятностью и местью такая вера движима? Разве Шестов принимает мир в его фактичности?

В отличие от Ницше, Шестов считает, что свобода воли не просто полезная (или вредная) для жизни иллюзия, но она находится вне разумного постижения – свобода воли как бы задана, всегда «уже есть»: человек сам решает, есть у него свобода или нет [8, с. 130].

Воля у Шестова имеет приоритет перед разумом: так, она может не соглашаться с принудительными истинами разума. То, что истины разума убеждают, ещё не значит, говорит Шестов, что они могут принудить человека их принять – он свободен соглашаться с истинными суждениями разума или нет. Т.е. для Шестова воля является более фундаментальной способностью, нежели разум, она выдает его суждениям удостоверение в их значимости, отрицая или принимая их (похожее отношение воли и суждений интеллекта у Дунса Скота [4, с. 346]). Более того, воля в философии Шестова это сам человек как своевольное и дерзкое существо,

в пределе хотящее и могущее невозможное – бывшее сделать небывшим.

Вера Шестова коррелирует со способностью воображения. Так, воля имеет дело с возможным для разума. Но для воображения все несколько иначе – оно меньше согласуется с опытом, на основе которого разуму очевидно, что бывшее нельзя отменить. В плане возможностей воображение шире познания, для него нет жёстких правил соответствия действительности – т.е. опытным данным. Воля (вера как воля) Шестова это именно такое широкое желание-воображение, для которого открыты все возможности, даже те, которые не соответствуют нашему опыту и знанию, на нем основанном. Такой воле доступны даже «невозможные возможности», ибо для верующего «нет ничего невозможного» [6, с. 196].

В случае Шестова мораль отрицается во многом по той причине, что она ещё слишком «ограниченные возможности», так как мораль, как у стоиков или Канта, смиряет человека, и коренится в разуме, который всегда ограничен. Моральная норма отрицает подлинное, самостное бытие человека: «Ведь всякая мораль – древняя ли Эпиктета и М. Аврелия, новая ли Канта и Гегеля – черпает всю силу свою в ненависти к человеческому Я» [9, с. 302]. Вера же – это реализация самостного бытия, когда власть отдельного человека равна власти Бога.

Таким образом, две сверхморальные перспективы философии Ницше и Шестова могут быть поняты как отрицающие друг друга идеи субъекта мышления и субъекта воления.

Воля и прошлое: бессилие воли

Существенное отличие концепций Шестова и Ницше коренится в их противоположном отношении к тому обстоятельству, что воля бессильна изменить прошлое. Ницше и Шестов по-разному разрешают этот конфликт воли со своим прошлым, настолько по-разному, что их концепции отрицают друг друга: этика дерзновения Шестова противостоит этике великодушия Ницше (данные термины, на мой взгляд, достаточно точно характеризуют философско-этические позиции Ницше и Шестова).

Воля имеет дело с возможным, а прошлое «именно потому, что оно «совершенно необходимо», стоит вне досягаемости воли» [4, с. 361]. Заслуга Ницше в том, что он впервые серьёзно осмыслил это бессилие воли воить назад: «обратно воля не может хотеть», являющееся истоком морали ресен-

тимента, соответствующей сложному комплексу чувств, непосредственно связанных с повторным переживанием прошлого: воображаемая месть бытию от бессилия его изменить, злопамятность, вина, ненависть к полноте жизни, зависть, жажда господствовать над другими и т.п.

Воля бессильна изменить, остановить ход времени – это, на первый взгляд, банальное наблюдение содержит в себе важнейшие следствия для понимания этой способности. В этом, согласно Арндт, заключается «ницшевская версия позиции «хочу-и-не-могу», поскольку именно такого хотения обратно воля хочет и добивается» [4, с. 386]. Под хотением обратно подразумевается сознательное желание человека изменить прошлое, сложившиеся обстоятельства – то, что для разума представляется в виде необходимых, раз и навсегда данных истин факта. Не важно, будут ли это факты личной биографии или всеобщей истории.

Мысль Ницше о бессилии воли в отношении прошлого не нова. Уже Аристотель писал о том, что бывшее не находится во власти человека: «Предметом сознательного выбора (proaireton) не может быть нечто в прошлом; так, никто не собирается (proaireitai) разрушить Илион, ибо о прошедшем не принимают решений, [их принимают только] о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим, и потому прав Агафон:

*Ведь только одного и богу не дано:
не бывшим сделать то, что было сделано*
[10, с. 160].

Правда, считается, что по отношению к Аристотелю говорить о способности воли будет не совсем корректным, ведь античность не знала такого понятия [4, с. 244]. Но вот более близкий по времени пример – Дунс Скот. В главе, посвященной способности воли у Скота, Х. Арндт пишет о том, что, согласно Скоту, воля отменяет прошлое, когда признаёт, что его могло бы и не быть (пытать Эпиктета до тех пор, пока он не признаёт, что пыток могло бы и не быть). Дунс Скот пишет: «сущностная характеристика нашего волевого акта есть ... способность выбирать между противоположными вещами и отменять однажды сделанный выбор» [4, с. 351]. Что значит отменять? «Отменять» в том смысле, что этот выбор рассматривается как такой, которого могло бы и не быть – т.е. как свободный, мой собственный выбор. И отменять не фактически, что может человек веры у Шестова, а мысленно,

признавая в мышлении поступок своим, т.е. таким, который не предзадан никакой необходимостью, внешней субъекту поступка.

Для Ницше ясно, что, обычно, прошлое является невыносимым грузом для человека. И не только потому, что он не в силах его изменить, но и потому, что оно не имеет подлинного личного смысла, когда относительно всемирной истории прошедшее рассматривается как чужое, не мое. Для отчуждённого от мира человека прошлое это «тяжесть». Задача Заратустры – оправдать прошлое, дать ему смысл, сделать прошлое всего человечества своим (а это значит взять за него ответственность): «Заратустра определил однажды, со всей строгостью, свою задачу – это также и моя задача, – так что нельзя ошибиться в смысле: он есть *утверждающий* вплоть до оправдания, вплоть до искупления всего прошедшего» [1, с. 99].

Утверждение прошлого в мысли Ницше проходит под знаком радостного принятия его как вечного и необходимого (с чем как раз не согласен Шестов). Спасает прошлое мысль о вечном возвращении, пережитая как «последняя реальность». Она собирает время в полноту времен, в которой прошедшее, как и будущее, причастно вечному настоящему. А это вечное настоящее есть не что иное, как бытие субъекта – божественного взгляда, благодарно принимающего весь мир как свою полноту. Такой субъект не отчуждён от мира со всеми его «прекрасными» и «ужасными» сторонами. Следующий отрывок из книги «Так говорил Заратустра» заставил Арндт вспомнить о психологической уловке стойков, состоящей в том, чтобы хотеть только того, что и так происходит, или уже произошло:

*«Как поэт, отгадчик и избавитель от случая,
я научил их
быть создателями будущего и все, что было, –
спасти,
созидая.
Спасти прошлое в человеке и преобразовать
все, что «было»,
пока воля не скажет: «Но так хотела я! Так
зачую я». –
Это назвал я им избавлением, одно лишь это
учил я их
называть избавлением» [11].*

Сравнение учения Ницше со стойками (в частности, с Эпиктетом) в работе Арндт, кажется уместным: «Если бы Ницше развил эти соображе-

ния в систематическую философию, он создал бы своего рода существенно обогащённый вариант учения Эпиктета, проповедуя ещё раз «искусство жить собственной жизнью» [4, с. 387].

То обстоятельство, что Ницше отвергает сожаление об однажды сделанном, согласуется с его представлением о любви к судьбе, в которой нет ничего лишнего, случайного, того, что могло бы и не быть: «Моя формула величия человека – есть amor fati: ничего не изменять ни впереди, ни позади во веки веков. Не только выносить необходимость – ещё меньше скрывать её от себя – всякий идеализм есть ложь перед лицом необходимости, – но любить её» [1, с. 50].

В философии Шестова проблема невозможности отменить прошлое также занимает важнейшее место. Центральную идею Шестова можно выразить так: «Бог значит всё возможно: по вере бывшее делается не бывшим». Вера, или Бог Шестова – это воля, которая может воливать назад. Т.е. она может невозможное: отменять необходимость прошедшего, ничтожить его. Философия Шестова содержит в себе идею всемогущества Бога и верующего: человек желает и может одновременно, нет разницы между «хотеть» и «мочь» («volle» и «posse»). Вера здесь является снятием разрыва воли между «хочу» и «могу», осуществлением на деле её могущества, которое теперь может в противовес утверждению Аристотеля и Агафона «не бывшим сделать то, что было сделано».

Кажется, что такое понимание веры как всемогущей воли намного ближе духу философии Шестова, чем понимание веры как откровения. И этому есть простое объяснение: очевидно, что откровение как уникальная истина, усмотрение чего-то запредельного рациональному познанию не имеет власти отменять бывшее зло. А именно борьбой с разумом и его необходимыми истинами отличается философствование Шестова. Хотя тут дело, возможно, несколько сложнее: откровение может быть и о том, что по вере бывшее делается никогда не бывшим. Тем не менее, само это откровение ещё не есть воля, которая *делает* бывшее не бывшим.

Является ли вера Шестова преодолением отчуждения человека и мира? Преодолевая невозможность изменить прошлое в вере, избавляется ли Шестов от скрытого духа мести («бациллы мести») в самом своем способе мыслить? (По поводу масштабов «заражения» Ницше пишет: «Этот инстинкт мести за тысячелетия настолько завладел человечеством, что вся метафизика, психология, все

исторические представления, но прежде всего мораль им отмечены. Стоило только человеку начать думать, как он тут же тащил в свои мысли бациллу мести» [7, с. 414].) Верующий человек Шестова, на первый взгляд, тоже присваивает мир себе, но это усвоение мира имеет совершенно иной смысл, нежели у Ницше. Ведь всемогущая воля всё ещё *противостоит* миру как объекту, материалу для своего неограниченного творчества. Такая властная свобода творить мир не связана с его принятием как своей мощи: мощь (полнота) веры не в мире, а в ней самой, верующий человек – это субъект, который победил мир, подчинил мировую данность своей власти. Он мыслит себя вне мира, и способен творить из ничего любой из возможных миров (в первую очередь, творя новое прошлое человека).

Нет сомнений, что творческое отношение к прошлому можно найти и в богатом противоречивыми высказываниями наследии Ницше. Однако искупление прошлого в философии Ницше связано с изменением *фундаментального отношения* к нему, т.е. с перестройкой взгляда на мир в целом.

Такое внимание рассматриваемых здесь философов к реальному бессилию воли изменить прошлое подводит нас к необходимости обстоятельнее осмыслить, что такое воля. Ханна Арендт отвечает на этот вопрос следующим образом: воля – это ментальный орган для будущего, подобно тому, как память – ментальный орган для прошлого [4, с. 242] (память и мышление отождествлялись ещё Августином, и Арендт также полагает, что память ближе мышлению). Конечно, для Арендт все это способности одного ума, поэтому и её произведение называется «Жизнь ума» (примечательно, что «Жизнь ума» по плану Арендт должна была состоять из трех томов: мышление, воление и суждение, но она успела закончить только первые два).

Кратко опишем различие мышления и воления, предложенное Арендт. Мыслят о том, что уже есть (или предположительно есть). А волят (это тоже ментальная способность, где я становлюсь «два-в-одном») то, чего ещё нет. Воля создаёт проекты будущего, или начинает новый ряд, являясь началом нового, никогда не бывшего: проект воли – создание того, чего нет и, возможно, никогда не будет. Именно воля отрицает то, что есть, заданием должного мира, а не мышление. Мышление как чистая деятельность есть уход из мира явлений, порою для того, чтобы его же и осмыслить (хотя у философского мышления, конечно, нет цели вне него). А воля есть отвлечение от мира явлений, чтобы его из-

менить, создать новый. Причём мышление осмысливает и сам этот поступок – задание своего мира, но только после того, как он произойдёт. Это будет выглядеть примерно так, если не смешивать волю и мышление, что делают многие философы.

Интересно, что мысль, как отмечает Арндт, это всегда «после-мысль» [4, с. 266]. Она только о том, что уже произошло. Нельзя осмыслить того, чего ещё нет – т.е. будущее, но будущее можно создать. (Поэтому будущее представляется уму как уже прошедшее, свершившееся – в виде готового проекта.)

Как можно объяснить то, что и Шестов и Ницше озаботились именно отношением воли с прошедшим временем, если принять такое понимание воли как «органа» проектировки будущего? Тут можно выделить два момента.

Во-первых, воля и на прошлое смотрит как на будущее. Об этом говорит само желание воли изменить его, т.е. создать проект нового прошлого, ещё никогда не бывшего, что есть определение будущего – времени, которого ещё никогда не было. Именно так нужно понимать шестовскую веру – всемогущую волю, уничтожающую прошлое зло. Вера как свободная воля предполагает линейную концепцию времени, когда прошлое подготавливает наступление настоящего, а они оба создают будущее. Если бы прошлое не создавало будущее, то не было бы смысла его отменять, ведь с его отменой ничего бы не изменилось. Только на первый взгляд воля относится к прошлому как к необходимому прошлому, ведь в прошлом она видит свой неудавшийся проект, и хочет его переделать, т.е. создать новый, ещё никогда не бывший. Такое отношение воли к прошлому как к не необходимому (контингентному) подтверждают всем известные феномены сожаления о сделанном и укоры совести.

Во-вторых, и это роднит волю и мышление – воля рефлексивна. Это значит, что волящий и подчиняющийся субъект сознательно относится к тому, что он волит и чему следует. Это осмысление своих собственных волевых актов практически смыкает границу между волей и мышлением, и вплотную подводит нас к проблеме совести: «Пробный камень свободного действия – это всегда осознание, что мы могли бы и не делать того, что в действительности сделали» [4, с. 237]. Получается, мышление (или рефлексия волящего субъекта) задним числом признаёт нашу свободу в прошлом, принимать это решение или не принимать. И это «осознание» своей свободы – то же самое, что осознание ответственности за свои поступки. Пожалуй,

такое осознание своей ответственности-свободы входит в сам феномен воли, которая, если она существует, не может не быть свободной (иначе, зачем вообще вести речь о воле?).

Заметим ещё раз, что для Ницше «осознание того, что можно было бы поступить иначе» есть тяжесть сожаления, отравляющая бытие человека. Решение Ницше: прошлое нужно оставить в покое, не сожалеть и не отменять его мысленно, а дать воспоминаниям «опасть» как осенним листьям, т.е. не привязываться к своему прошлому, быть собранным в настоящем и отстранённым от проектов воли в двух временных направлениях. Выше уже было сказано, что Ницше «переключает» ум из режима воления в режим созерцания (мышления), если воспользоваться терминологией Арндт. А в этом режиме есть только настоящее, единство времени (субъекта) и нет воли, желающей изменить прошлое, и потому несущей в себе разлад, нецельность.

Для Шестова, чтобы что-то осмыслить, понять идею, нужно её сначала принять, допустить её как ценность для себя. Так же и отрицание какой-то мысли, или даже очевидной истины опыта или спекулятивного мышления есть акт воли, а не мысли. Поэтому отрицание прошлого – в смысле фактических истин, убеждающих человека и принуждающих своей необходимостью к их принятию – яркий пример свободы воли. Шестов решает конфликт воли с прошлым противоположным образом: в отличие от Ницше, он не отрешается от воли, принимая необходимое прошлое как своё, а занимает «сторону» несогласной с прошлым воли (и эмоций), веруя, что Бог может отменить однажды произошедшее.

Нигилизм воли

Арндт в работе «Жизнь ума» выделяет два главных и в то же время противоположных способа понимания воли. Исторически первый способ понимания, который в какой-то мере есть уже у Аристотеля, состоит в том, что воля понимается как способность выбора между заданными целями – *liberum arbitrium*. Такая воля «действует как арбитр между данными целями и свободно размышляет о способах их достижения» [4, с. 376]. С другой стороны, и это, согласно Арндт, более позднее понимание, воля – это способность «спонтанно начинать новый ряд во времени», способность человека быть началом чего-то нового, поскольку он сам есть начало (*initium ut esset homo creatus est*) Августина [4, с. 376]). Второе понимание воли как

побуждающей способности, как полагает Арендт, стало преобладающим в эпоху модерна, когда вера в идею прогресса изменила понимание будущего как того, что к нам приближается, на то, что мы создаём сами, своими волевыми проектами.

На мой взгляд, не менее важное понимание воли, которое входит составной частью в оба представленные выше толкования Арендт, дано в определении воли Дунсом Скотом, которое цитирует Арендт в своей работе: «Свобода воли состоит в утверждении или отрицании всего, что ей противостоит» [4, с. 356]. И свобода сознательного выбора, и свобода воли как начала нового ряда событий предполагает утверждение и отрицание как самые первые движения воли. Они в принципе необъяснимы, так как изначальноны, свободны.

Как волящий субъект расколот на повелевающего и подчиняющегося (на желающего и не желающего одновременно), пока воля активна, т.е. пока длится ментальный акт воления, подобным же образом, утверждение всегда сопровождается отрицанием и наоборот. Полное утверждение, по-другому, принятие всего мира, предполагает отрицание того, чего нет – даже если такое отрицание уже не есть акт воли, а просто логическое следствие, как бы мыслимый необходимым «довесок» абсолютного утверждения. Не понятно, вытекает ли эта взаимосвязь утверждения и отрицания из факта раздвоенности волящего эго.

Человек как волящий трансцендирует, преодолевает наличное бытие, данность мира именно в силу того, что способен отвлечься от нее и сказать этой данности своё «да» или «нет». С актом отрицания данности мира Арендт связывает волю, а не мышление. Вообще отрицание связано со способностью воли: «представляется очевидным, что стоящая за отрицанием способность Ума, это не мышление, а воля» [4, с. 269]. Так Арендт пишет в главе, посвященной способности воли у Гегеля. Воля строит проект будущего мира, отрицая уже существующее положения дел, т.е. настоящее (а точнее, уже прошлое, так как мысли всегда дано прошлое состояние, а не настоящее, которое ускользает от схватывания умом в виде данности, факта, положения дел, потому что настоящее есть он сам – ум, субъект).

Итак, воля отрицает прошлое и настоящее ради будущего. Но возможно ли абсолютное отрицание? Такое нельзя помыслить. Оно невозможно потому, что отрицающее все воля сама существует, т.е. всё-таки ещё не всё отрицает. Если же воля уничтожит себя, человек совершит самоубийство, то и тогда

она проявит себя как лишь частично отрицающая, ведь пока человек жив, даже в момент самоубийства – его воля всё ещё утвердительно, а когда мёртв – нет того, кто отрицает, и говорить не о чем. Всё выглядит так же как с отношением к смерти Эпикура. В этом рассуждении берётся за аксиому, что существование – это утверждение, и пока человек существует и волит, он не может полностью отринуть мир. Поэтому Ницше и говорит: «Конечно, не попал в истину тот, кто запустил в неё словом о «воле к существованию»; такой воли – не существует! Ибо то, чего нет, не может хотеть; а что существует, как могло бы оно ещё хотеть существования! Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не воля к жизни, но – так учу я тебя – воля к власти!» [11].

В связи с философией Ницше можно говорить об утверждающей и отрицающей воле. Именно этими терминами обозначает Ницше качество воли. Словами, выражающими действие воли-утверждения, будут: принятие, «да», радость. Воли-отрицания: неприятие, «нет», ненависть (или отчаяние?). В философии Ницше в её предельном понимании возможно и, по-настоящему есть, только полное, абсолютное утверждение (принятие мира), а отрицание вовсе не существует.

Нигилизм – это феномен отрицающей воли. Зачастую нигилизм понимается как умонастроение определённой эпохи, связанное с установкой на отрицание принятых ценностей, моральных норм, идеалов, культуры в целом. В случае философии Ницше нигилизм неверно понимать как умонастроение или мировоззрение. Нигилистические мировоззрения, или даже «установка на отрицание» лишь следствие определённого качества воли (воли как свободного отношения к миру). Воля к отрицанию, или воля как отрицание, которая есть исток любого обесценивания жизни – сущность нигилизма.

Нигилизм это тема размышлений Ницше. Тот вид нигилизма, против которого выступил с критикой Ницше, следует усматривать в воле, отрицающей жизнь в целом. Такая воля отрицает самодостаточность жизни, её изначальноную полноту (полноту того, что уже есть). Жизнь в философии Ницше выступает феноменом, превышающим любое рациональное постижение [4, с. 381], она требует только безусловного принятия как бесценный дар. Нигилизм есть качество отрицающей, ничтожащей воли, говорящей «нет» миру в его единственности и данности. Однако важно понять, что нигилизм присущ любой воле, потому что воля не может быть только утвердительной,

она всегда расколота на «хочу» и «не хочу», на утверждение и отрицание.

Понятие нигилизма в философии Ницше также полярно, имеет два смысла. В первом смысле под нигилистической волей нужно понимать задание должного мира, при этом такая воля отрицает уже существующий. Нигилизм как задание волей ещё одного мира, которым обесценивается мир становления («Понятие «бог» выдуманно как противоположность понятию жизни. Понятия по «ту сторону», «истинный мир» выдуманы, чтобы обесценить единственный мир, который существует...» [1, с. 123]), сопровождается ресентиментом, т.е. связан со сложной совокупностью переживаний, основными из которых будут чувство собственного бессилия что-либо сделать с миром и собой (явном бессилии воли изменить прошедшее) и утонченная мстительность, когда мир отрицается как недолжный, несовершенный, например, как «лишь» кажущийся: ««В Генеалогии морали» я впервые представил психологическую противоположность понятий благородной морали и морали *ressentiment*, выводя последнюю из отрицания первой. Но эта последняя и есть всецело иудейско-христианская мораль. Чтобы сказать “Нет” всему, что представляет на земле *восходящее* движение жизни, удачу, силу, красоту, самоутверждение, инстинкт *ressentiment*, сделавшийся гением, должен был изобрести себе другой мир, с точки зрения которого это *утверждение жизни* являлось злом, недостойным само по себе» [1, с. 155].

Сам сверхчувственный мир, трансцендентный Бог, моральное толкование событий, поступков, людей как хороших или плохих, «внешний» смысл мироздания – это все разные названия для мести миру, который не во власти человека (как во многом и он «сам»). В этом комплексе чувств важную роль играет задетая прошлыми неудачами память – как «злопамятность», отравляющая жизнь в настоящем. Согласно Делёзу [12], ресентимент проявляется в вытеснении своевременной реакции на происходящее следами прошлых событий, своего рода отложенными реакциями на них, длящимися сейчас, когда уже происходят новые события. Новые реакции соответственно тоже откладываются на потом: человек буквально не справляется со своим прошлым, «застрял» в нем.

Философия Шестова может быть понята именно как нигилизм в первом смысле. Как было сказано, вера Шестова – это всемогущая воля, для которой «нет ничего невозможного». Ясно, что воля в

его концепции имеет не просто ментальную силу, а силу реальную – она может переделывать действительность. Эта всемогущая вера-воля не согласна с частью мира, которую считает злом, поэтому не принимает и целое – искореняя прошлое, она создает новый мир в целом. Такая воля к добру («свобода к добру» [6, с. 26]) уничтожает, искореняет раз и навсегда из мира бывшее зло. Зло здесь не недостаток добра – оно сильное как сорняк, который нужно вырвать из мира. Оно противостоит добру, которое обретает мощь только в вере. Нужно видеть, что сущность такой воли – злопамятность. Она помнит то, что было и оценивает это бывшее как зло, отказывает ему в праве быть. Дух мести в такой воле одержал верх – она мстит тому из бывшего, что считает неприемлемым. Мир для неё всё ещё морален (это полная противоположность отказа от воли Ницше!), разделён на добро и зло.

Делёз называет Шестова наряду с Кьеркегором и Паскалем «поэтом» аскетического идеала, несвободным от духа мести в своем мышлении: «для философствования им необходимы всевозможные средства и путеводная нить интериорности: страх, стоны, виновность, всяческие формы недовольства. Сами эти философы отмечены знаком злопамятности: таковы Авраам и Иов. Им недостаёт невинности и игры: утвердительно смысла, смысла эктериорности» [12, с. 99]. Он верно замечает в своей работе «Ницше и философия», что сближение критики Ницше с критикой разума и морали Шестова или Кьеркегора правомерно только до того момента, пока не отвлекаются от самого существенного в философии Ницше, от его «трагического» способа мыслить (в особом значении «трагического», рассмотрению смысла которого посвящена первая глава книги Делёза [12, с. 33-102]), и не упускают из виду главную задачу его критики: освобождение мысли от духа мести и злопамятности, преодоление ресентимента и нигилизма воли.

Второй вид нигилизма это отрицательная воля на службе торжества, утверждения жизни (этого мира). Этот нигилизм представляет собой отрицание первого нигилизма, и всех его порождений – сверхчувственного мира, Бога, абстрактных сущностей (субъекта, причины, вещи, бытия) и «моральных понятий» (добра и зла, справедливости, ответственности, вины). Нигилизм Ницше и есть такое отрицание отрицания. Человек, осуществивший его, остаётся «наедине» с лишенной смысла мировой данностью, раздавленный гнётом необходимости. И только после испытания таким

нигилизмом, когда из мира «вынуты» добро и зло, не осталось «никаких моральных фактов», у нигилиста остаётся шанс принять мир и себя.

После принятия такого «внеморального» мира жизни возвращается её изначальная самодостаточность. Происходит прорыв из нигилизма воли к принятию всего как божественного совершенства: ««мир совершенен» – так говорит инстинкт духовно одаренных, инстинкт, утверждающий жизнь: «несовершенство, все, что стоит ниже нас, дистанция, пафос дистанции, сама чандала – всё принадлежит к этому совершенству» [1, с. 211].

Нужно помнить, что отрицательной воли без утвердительной быть не может, так же, как и наоборот. Всепринятие или утверждение мира в целом у Ницше предполагает отрицание «не-мира», того, чего нет: как минимум, это значит отрицание трансцендентного Бога, моральных ценностей, сверхчувственного мира. В чём и заключается смысл второго нигилизма «на службе утверждения жизни».

Важная для понимания философии Ницше мысль-интуиция состоит в отождествлении радости и существования. Именно в этой интуиции можно увидеть поразительное сходство Ницше и Парменида. Заметим, что Библихин также пишет, что Ницше стоит сравнивать с Парменидом [3, с. 264]. Знаменитый тезис Парменида «бытие есть, небытия нет» понят Ницше в экстатическом ключе. Это тавтологическое суждение «бытие есть» можно теперь перевести как «да-да», а «небытия нет» как «нет-нет», подразумевая под «да» и «нет» – утверждение и отрицание, принятие и непринятие. Ницше говорит о том, что бытие (полнота того, что есть) – это утверждение, радость, экстаз, а небытие (то, чего нет) – это отрицание, неприятие, ненависть. Воля в полноте – это бытие-радость, т.е. она осуществилась, в ней нет отрицания (потому что его в принципе нет). Бытие это утверждение, которое утверждает само себя (двойное утверждение).

У Ницше есть высказывания, говорящие в пользу того, что он понимает жизнь в целом как тотальное утверждение: «Если все совершающееся представляет собой как бы большой круг, то все одинаково ценно, вечно необходимо. Во всех коррелятивных понятиях, как то: «да» и «нет», предпочтению и отвержение, любовь и ненависть выражается только известная перспектива, известные интересы определённых типов жизни: само же по себе всё, что существует, говорит «да»» [7, с. 181]. Если нет ничего кроме бытия-утверждения, то отрицание становится чем-то невозможным. От-

рицания тогда совсем нет, потому что вечно есть субъект, который вернулся к своей полноте (т.е. великодушно принял себя и мир, сказал «да» бытию).

Полнота воли на языке Ницше – это радость. Радость – основа самого существования, следовательно, человек в радостном, великодушном принятии всего прорвался к своей сути, обрел себя. Что тогда становится с его волей как «свободой отрицать или утверждать все, что ему противостоит?». Можно сказать, что она успокаивается в отождествлении себя с самим миром, который узнается как моя радостная полнота. В такой полноте утверждается все, в том числе, зло, несчастье, безумие: «так богата радость, что она жаждет скорби, зла, ненависти, позора, уродства, мира, ибо этот мир, о, вы, конечно, знаете его! О высшие люди, по вас томится радость, необузданная, блаженная, – по скорби вашей, вы, неудачники! По всему неудавшемуся томится всякая вечная радость. Ибо всякая радость хочет себя самое, вот почему хочет она также сердечной муки! О счастье, о скорбь! О сердце, разбейся! Высшие люди, научитесь же, радость хочет вечности, – радость хочет вечности всех вещей, она рвется в свой кровный, вековечный дом!» [11].

У Ницше в его представлении о радостном принятии мира были предшественники: согласно Дунсу Скоту, по отношению к миру в целом полное принятие или утверждение может быть понято как любовь, когда воля достигает своей полноты и уже перестаёт быть волей (воля преодолена, когда человек вечно и безусловно любит Бога ради него самого [4, с. 364]).

Поэтому можно предположить, что сверхчеловек не имеет воли. У него полнота воли похожа на то, что у Скота или Августина называется любовью (в терминах Ницше «радость»). Полнота утверждающего принятии уже не воля, так как воля предполагает раздвоенность на повелевающего-подчиняющегося, утверждение и отрицание (нужно учитывать, что сверхчеловек это довольно бессодержательный образ, который призван задавать новую сверхморальную перспективу развития жизни, и определяется почти исключительно негативно).

Для философии Ницше в её предельной «мысли-эпохе» о вечном возвращении того же самого нет истории. Есть круг времен, а не линейное время. Это «высшее созерцание» – видеть полноту времени, вечность в каждом миге своей жизни (напомним, что высшая воля к власти выражается в чувстве мощи, полноты жизни, а не в реальной всевозможности творить мир как у Шестова). Оно

предполагает отказ от возможностей, когда нет воли к отрицанию того, что есть, ради нового, лучшего, должного, когда воля совсем не задействована, а ум «работает» в режиме созерцания того, что есть, как божественного, уже совершенного. Такое созерцание и есть блаженство.

Этика дерзновения и этика великодушия

Не удивительно, что вместе с таким противоположным отношением к воле у Ницше и Шестова прослеживается и различное понимание бога или божественного. В случае Ницше, божественное – это всё, что есть. Божественное (или мир) достойно радостного принятия. Лишь великодушием можно преодолеть нигилизм воли, который выражается в мести себе и миру за то, что они не такие, как я хочу, или не такие, как должны быть. Великодушие – это ницшевская добродетель [4, с. 387]. Необходимо великодушие, чтобы принять мир со всеми его ужасами, которые вовсе не умаляют его великолепие, а скорее делают мир полным.

Бог Ницше – это собирающий субъекта взгляд, принимающий все, допускающий быть всему: «принятие неизменной тождественности мира, однако, возможно, при воссоединении видящего с собой. Вместе с вступлением в свою полноту совершается прорыв в вечность. Отличие видящего от Бога стирается» [3, с. 264]. Арендт в главе о Скоте пишет, что подобным Богу делает именно принятие уже существующего («Fiat» – «да будет»), а не творчество нового [4, с. 355]. Дело обстоит так, как будто бы миру ещё требуется одобрение человека, подобно тому, как Бог после каждого дня творения великодушно принимал мир, видя, как он «хорош». В этом отношении Ницше ближе Дунсу Скоту. Согласно Шестову, «да будет» – это вовсе не доброжелательное принятие мира, а акт творения, создания нового мира взамен существующего: «Наш разум, повторю, опорочил в наших глазах веру: он “распознал” в ней незаконное притязание человека подчинить своим желаниям истину и отнял у нас драгоценнейший дар неба, державное право участвовать в творческом fiat (да будет), втолковав и расплющив наше мышление в плоскости окаменевшего est (есть)» [6, с. 28].

Для Шестова главная добродетель человека – это дерзость (своеволие). Жизнь в целом понимается им как творческая, вечно изменяющаяся воля: «Основная черта жизни есть дерзновение, тóлца, вся жизнь есть творческая тóлца, и потому венчая,

не сводимая к готовому и понятному мистерия» [8, с. 246]. Дерзновенный человек говорит безусловное «да» своей неразумной воле, именно он взывает к Богу из отчаяния и богооставленности, он дерзает отринуть свой разум. Он жаждет невозможного и единственным императивом или «кредо» такого человека будет требование «на все нужно дерзать» [6, с. 411], которое Шестов находит у Платона. Вера порою выступает в текстах Шестова как синоним дерзновения: «Нужно «спастись» иным способом, «верой» – как учит ап. Павел, одной верой, то есть напряжением душевным совсем особого рода, именуемом на нашем языке «дерзновением»» [8, с. 246].

Бог Шестова – это всемогущая воля, это деятель, а не взгляд. Что удивительно, ведь Шестов так часто презрительно пишет о людях дела, о всех могучих комбинаторах и властителях. Многие его герои (подпольный человек, Ницше, Достоевский, Паскаль, Кьеркегор, Спиноза) – это люди мысли, а не дела. Но в вере это обычное для него ценностное различие переворачивается и теперь человеку дана власть реализовывать свои желания, т.е. быть творцом и господином мира вместе с Богом.

В отличие от Ницше, который именно в радостном принятии всего нашел исход вечного беспокойства воли, её конфликта с прошлым и всей проблемы resentment, Шестов идет другим путем. Человек сознает своей бессилие перед лицом необходимости прошлого, он в отчаянии, так как то, чего он хочет, невозможно. Но именно в таком отчаянии, когда разумом человек видит безвыходность своего положения, нужно выбрать абсурд: дерзать и не принимать мир, отрицать его, не соглашаться с разумом, взывая к Богу. Шестов испытывает не гнет отрешенности от воли и вносимых ею в мир смыслов, а гнет загнанности в безвыходную ситуацию, отчаяния, когда для воли нет возможных выходов, и все её проекты тщетны. И только безумная преданность своей непокорной воле, сопровождаемая отказом от знания и любых утешений добродетели позволяет человеку прорваться к вере. Свобода воли или вера противопоставляется в философии Шестова познанию и морали: «Знание и добродетель парализовали нашу волю и привели нас к тому оцепенению духа, которое в бессилие и покорности видит своё совершенство» [6, с. 226].

Если отказ от воли у Ницше обусловлен великодушным принятием себя и мира как одного божественного целого, то в случае Шестова мы видим бунт воли против своего бессилия, нежелание принимать нечеловеческий мир и соотнесенные

с ним истины разума. Задача философии видится Шестову в преодолении самоочевидных данных сознания, истин факта и чистого умозрения, в конечном счёте, в пробуждении человека от сна разума. Философия должна быть не осмыслением того, что есть, а борьбой с этим «есть», со всеми принудительными истинами разума. Философия Шестова – это философия веры: «У Авраама вера была новым, дотоле неизвестным миру измерением мышления, не вмещающимся в плоскость обыденного сознания и взрывающим все «принудительные истины», подсказываемые нам нашим «опытом» и нашим «разумением». Но только такая философия может быть названа иудейско-христианской: философия, ставящая себе задачей не приятие, а преодоление самоочевидностей и вносящая в наше мышление новое измерение – веру» [6, с. 346].

Такую экзистенциальную философию можно охарактеризовать как этику борьбы (дерзновения) с принудительными истинами познания, которая противопоставляется этике покорности. К этике или метафизики покорности приходит, к сожалению Шестова, и Ницше. Ницше, оказавшись в ситуации страшной болезни и одиночества, не был достаточно смел, чтобы решиться поставить свои личные желания и эмоции выше разума и сулимого им спокойствия, и не принимать мир в его необходимости и неустранимости. Благожелательное принятие себя и мира как вечного и необходимого идет от слабости философа, не нашедшего веру: «Вместо того, чтобы вызвать на последний и страшный бой необходимость, Ницше, *velut paralyticus, manibus et pedibus omissis* (как паралитик с расслабленными руками и ногами), сдаётся на её милость и вводит её в самую сокровенную глубину души своей – обещает ей не только покорность и почёт, но даже любовь, и обещает не за себя одного» [6, с. 180].

Шестов, так же как и Арендт, видит отказ Ницше от воли. Согласно Шестову, именно в воле Ницше находил причину всех человеческих зол и страданий и стремился «убить в себе даже самое желание борьбы и приучиться видеть своё назначение в безропотной, даже радостной и любовной покорности тому, что придет извне, и притом неизвестно откуда» [6, с. 181].

Если Ницше принимает мир, со всеми его ужасами и злом, то Шестов объясняет это тем, что Ницше подвержен, как и каждый человек, первородному греху: «Необходимость не оскорбляет павшего человека. Он её любит, он ей поклоняется и в своем поклонении видит своё величие, свою добродетель – как нам признался сам Ницше, обличавший *decadence* Сократа» [6, с. 225]. Шестов не раз подчёркивает, что Ницше поддался силе искушения змея, обещавшему ещё первому человеку, что «будете вы как боги, знающие добро и зло», и не выдержал свой первоначальный дерзновенный порыв по ту сторону добра и зла, где только и можно встретить Бога. Ницше польстился на похвалу, одобрение морали, когда в принятии необходимости происходящего увидел аристократизм, величие собственного духа.

Как считает Шестов, разум и одобрение морали, толкают Ницше принять мир и прошедшее как необходимое и вечное. Но в самом разуме ещё нет греха. В послушании разуму, а не Богу, состоит величайший грех человека, смертельная болезнь его воли. В своей знаменитой книге «Афины и Иерусалим» Шестов говорит, что если «забытое нами слово «грех» имеет какой-нибудь смысл, то самый страшный, непрощительный, смертельный грех в этом «принятии» и ещё больше в назиданиях, в тех *aequo animo*, которые нам приносит «истинная философия» и которыми, в свой черед, она держится» [6, с. 227].

Пафос философии Шестова тоже зовет вернуться «назад», но не к самодостаточности жизни, уже существующего, а к свободе неведения первого человека до грехопадения: «Непосредственно данное все должны принимать – и люди и Бог. Эта «истина», не существовавшая для неведения первого человека, после того, как Адам вкусил плоды с древа познания, стала принципом мышления для всех последующих времён» [6, с. 222]. С точки зрения Шестова, это была «истина» и для мышления Ницше.

Шестов, в основном на примере судеб знаменитых писателей, мыслителей или литературных героев, рассматривает критические, предельные ситуации, в которые попадает человек (смерть близких, война, тюрьма, одиночество, смертельная болезнь, разрыв с невестой) и апеллирует к их эмоциональной составляющей. Эмоции, личные капризы, привязанности делают человека живым. Напротив, принятие всего, идущее от разумного знания, уничтожает свободу человека, превращая его в обладающий сознанием камень: «Знание превратило действительное в необходимое и приучило нас все «принимать», что бы судьба нам не посылала. Это и есть обморок, бессилие, паралич – иной раз кажется, даже смерть свободы... Разве живой, свободный человек может «принять», разве он может присутствовать при том, как позорят его дочерей, убивают сыновей, разрушают родину?» [6, с. 226].

Эмоции и воля – суть человека по Шестову. Он отстаивает право человека плакать, смеяться, ненавидеть и бороться против всепринимającego, отстранённого понимания, которое считает порождением страха перед неизвестным и всемогущим Богом. Либо понимание и принятие, либо слезы, смех и дерзкое своеволие – такая альтернатива ставится Шестовым. Созерцание или принимающее понимание разоблачается им как следствие бессилия воли что-то сделать с невыносимым прошлым. Вопрос Шестова кажется понятным каждому: «Разве живой, свободный человек может «принять», разве он может присутствовать при этом?». Ужасы жизни, несправедливые поступки людей, потери близких, войну и насилие, и т.п. Шестов не примет никогда. Шестов, делая «ставку» на эмоции человека, на его желания (воображение и волю), выбивается из предшествующего ряда мыслителей и задает, вместе с Кьеркегором, Паскалем и др. новое философское направление, которое высоко оценивает уникальные переживания человека.

В отличие от Шестова, Ницше полагает, что как раз понимание и требует мужества: истины, на которые способны одни, часто невыносимы для других. Понимание, предполагающее широту принятия, не связывается Ницше со страхом, а скорее с величием духа.

Одной из таких истин Ницше является мысль о невинности всего происходящего, обозначенная им как «невинность становления», которая противоположна представлению о первородном грехе у Шестова. Невинность становления вытекает из простого убеждения, что любой человек включен в необходимость мирового фатума, без своего собственного решения быть его частью: в экзистенциализме это убеждение соответствует очевидному факту заброшенности человека в мир [4, с. 338]. В отрывке из книги «Воля к власти», называющимся «Избавление от всяческой вины», Ницше пишет: «Мы, иные, те, которые хотим вернуть творению невинность его, намерены быть миссионерами более чистой мысли; хотим, чтобы человеку никто не задавал его свойств, ни бог, ни общество, ни родители и предки его, ни он сам, – чтобы никто не был в нем повинен... Нет такого существа, которое можно сделать ответственным за то, что кто-то вообще есть на свете, и что он таков, как он есть, что он рожден при таких-то обстоятельствах, в таком-то окружении. И это великое благо, что такого существа нет» [7, с. 415]. Невинность становления похожа на невинность играющего ребенка, правда, при условии, что

в принципе нет никакого взрослого (Бога), который бы самим фактом своего существования нормировал игру. Вера Шестова в Страшный суд как в «последнюю реальность» личного откровения, также как и представление о греховности человека, подчиняющегося разуму, отрицают невинность сущего в целом. Отрицание вины человека в философии Ницше находится в одном ряду с отрицанием им морали ресентимента (скрытого духа мести, обвинения против жизни). Поэтому ясно, что для Ницше, представления Шестова о Страшном суде и первородном грехе не что иное, как признаки нигилистической воли, отрицающей человека и мир.

Заметим, что идея о том, что человек виновен, означает признание того, что он свободен – мог бы поступать иначе. Для Ницше никакой свободой воли человек не обладает. У Ницше есть представления об ответственности за будущее и прошлое, но не виновности, с идеей вины или греха он как раз боролся. Пожалуй, можно провести следующее различие вины и ответственности. Вина, в отличие от ответственности, предполагает самоосуждение или суд над другим (обвинение). Ответственность состоит в акте признания поступка своим, в ней нет самосуда, самонаказания. Относительно Ницше об ответственности можно говорить только как о принятии мира как своего, именно в этом принятии она и состоит.

Отношение Ницше и Шестова к свободе воли ясно показывает различие их философских концепций: для Шестова вина и свобода воли являются личной религиозной истиной, для Ницше же – это симптомы определённого способа толковать реальность, а именно знаки-следы нигилистической воли, обесценивающей мир. Именно с таким способом мыслить и чувствовать Ницше и боролся. Для Шестова же, очевидно, что философия Ницше в целом, несмотря на многие положительные моменты, которые он в ней находит, это этика покорности необходимости, той страшной «Ананке», с которой вёл борьбу неистовый философ из России.

Что означают этика великодушия и этика дерзновения, которые противоплагаются друг другу? Перед нами два различных способа мыслить, которые исходят из разных начал. Для Шестова аксиомой его философии является противопоставление «я» и мира. В философии Ницше, напротив, есть изначальное тождество человека и мира. Его мысль исходит из единства, из того, что «всё есть одно», и стремится реализовать это единство, вернуться к нему. Нет различия между мной и миром в следующем отношении: и субъект и объект – один и

тот же мир. Для Шестова как будто бы это не так. В этом смысле он очень странный философ, который развивает интуиции обыденного сознания, доводя их до предела. Именно мысль открывает, что я и мир – одно. Но для Шестова недоверие к мысли – почти нравственный долг, поэтому он не принимает мысль о единстве мира. Для него идея единства – это насилие мысли над «я», растворение «я» в мировом целом и т.п. Но почему же единство с миром не может быть состоянием этого самого «я», или сознания? Для Шестова, даже если единство с миром является личным переживанием, оно все-таки вызвано разумом: это как бы дурман,

навеянный разумом, от которого нужно освободиться. Неприятие разума Шестовым основано на предпочтении эмоций и состояний, понятных всем и каждому: чувство несправедливости, душевная тревога, отчаяние, ненависть, радость, веселье и др. Общечеловеческие эмоции-состояния возводятся Шестовым в ранг высших ценностей. «Человеческое, слишком человеческое» – то, что в случае Ницше требует преодоления, для Шестова требует спасения верой, которая осмыслена нами как всемогущая воля. Если философию Ницше можно охарактеризовать как отказ от воли, то философия Шестова, напротив, является её апологией.

Список литературы:

1. Ницше Фридрих. Эссе Номо. Антихрист / Пер. с нем. Ю. Антоновского, В. Флеровой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
2. Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 16–27.
3. Библихин В.В. История современной философии. СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
4. Арндт Ханна. Жизнь ума / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
5. Евлампиев И.И. Абсолют как царство Абсурда: Л. Шестов // Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Алетейя, 2000. С. 259–297.
6. Шестов Л. Афины и Иерусалим. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
7. Ницше Фридрих. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
8. Шестов Л. Дерзновения и покорности // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 151–253.
9. Шестов Л. Гевсиманская ночь (Философия Паскаля) // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 278–325.
10. Аристотель. Этика / Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.
11. Ницше Фридрих. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 13 т. Т. 4 / Ред. Е.В. Ознобкин. М.: Культурная революция, 2005. 432 с.
12. Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. с нем. О. Хомы; под ред. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2003. 382 с.
13. Гуревич П.С. Поль Рикёр о духовном мире человека // Психология и психотехника. 2014. № 2. С. 127–130. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.2.11135).
14. Ольшанский Д.А. Наслаждение у Жака Лакана: разрушение границ дискурса при психозе // Психология и психотехника. 2010. № 2. С. 29–32.

References (transliteration):

1. Nitsche Fridrikh. Ecce Homo. Antikhrist / Per. s nem. Yu. Antonovskogo, V. Flerovoi. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 224 s.
2. Guseinov A.A. Filosofiya kak eticheskii proekt // Voprosy filosofii. 2014. № 5. S. 16–27.
3. Bibikhin V.V. Istoriya sovremennoi filosofii. SPb.: Vladimir Dal', 2014. 398 s.
4. Arendt Khanna. Zhizn' uma / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Nauka, 2013. 517 s.
5. Evlampiev I.I. Absolyut kak tsarstvo Absurda: L. Shestov // Evlampiev I.I. Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vv. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta. SPb.: Aleteiya, 2000. S. 259–297.
6. Shestov L. Afiny i Ierusalim. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2007. 413 s.
7. Nitsche Fridrikh. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostei / Per. s nem. E. Gertsyk i dr. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005. 880 s.
8. Shestov L. Derznoveniya i pokornosti // Shestov L. Soch. v 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1993. S. 151–253.
9. Shestov L. Gefsimanskaya noch' (Filosofiya Paskalya) // Shestov L. Soch. v 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1993. S. 278–325.
10. Aristotel'. Etika / Per. N.V. Braginskoi, T.A. Miller. M.: AST: Astrel', 2011. 492 s.
11. Nitsche Fridrikh. Tak govoril Zaratustra // Nitsshche F. Soch.: V 13 t. T. 4 / Red. E.V. Oznobkin. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005. 432 s.
12. Delez Zh. Nitsche i filosofiya / Per. s nem. O. Khomy; pod red. B. Skuratova. M.: Ad Marginem, 2003. 382 s.
13. Gurevich P.S. Pol' Riker o dukhovnom mire cheloveka // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2014. № 2. S. 127–130. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.2.11135).
14. Ol'shanskii D.A. Naslazhdenie u Zhaka Lakana: razrushenie granits diskursa pri psikhoze // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2010. № 2. S. 29–32.